

Елена Павлова

*День
рождения*

Елена Павлова

День рождения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44827242

ISBN 9785005044174

Аннотация

Часто в суете жизни мы не находим времени поговорить с родными и близкими людьми о самом важном, интимном, о чем нам потом никто и никогда уже не расскажет... Как появилась на свет Ваша бабушка, а как мама? И вообще, как это происходило в родильных домах 20-го века? Героиня рассказа Эля Панова пока не удосужилась расспросить маму о своем дне рождения. Но у неё есть дочь, да и мама рядом. И пока еще все возможно! Есть о чем подумать. А курсы валют, покупка авто, повседневные хлопоты – подождут!

День рождения

Елена Павлова

Корректор Татьяна Дайнеко

© Елена Павлова, 2019

ISBN 978-5-0050-4417-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эля проснулась в радостном настроении. Полежала с закрытыми глазами, вернулась в свою земную оболочку, осознала себя, вспомнила, какой сегодня день. Заулыбалась. Сладко, но осторожно потянулась... Сегодня год, как они поженились! Да. Ровно год!

Год назад в этот день было морозно, но снег ещё не выпал. И она была тоненькой невестой, в финском длинном свадебном платье. Его купили в «Юбилейном» по талонам для молодожёнов. Гипюровые рукава с рюшами, облегающее. А фаты не было. Ну её, эту фату!

И даже не предполагала, что ровно через год...

Эля потрогала свой большой живот, уловила уже ставшее привычным легкое утреннее нетерпеливое шевеление маленькой хулиганки («Мама! Это я! Хватит спать!» – так

это расшифровывалось. Эле не делали УЗИ, но почему-то она была уверена, что там именно хулиганка. ОНА, а не ОН).

Через пару недель ОНА должна появиться на свет. И их станет трое. Настоящая семья.

Но одновременно с радостным чувством появилось чувство страха и волнения. Оно всплывало периодически, но Эля быстренько прогоняла его в дальние закоулки сознания. Всё будет хорошо! У неё точно всё будет хорошо. И даже рожать ей будет не больно. Потому что она ждёт и очень хочет этого ребёнка, и боль ей не нужна.

Лучше думать о сегодняшнем празднике. Ведь надо же отметить. Как-то ведь это даже называется – то ли ситцевая свадьба, то ли бумажная. Да уж. От первой же ссоры всё может вспыхнуть и загореться. Или разорваться. Но у них пока почти медовый месяц вот уже год. Подружки не верят. Но это их дело.

На улице навалило снегу. Хотя ещё только начало ноября... Скоро демонстрация... У детей начались осенние каникулы. А у неё декретный отпуск.

Эля вспомнила, как в начале сентября зашла в школу по делам, и мальчишки из её 6-го «Б» всё приставали:

– Эльвир Семённа, ну почему вы у нас больше не будете работать?

Эля улыбалась. Живот ведь совсем маленький, почти незаметно. Строгое шерстяное платье в продольную полоску к тому же стройнит. Смышлёные, за лето повзрослевшие

и вытянувшиеся девчонки шикали на ребят, мол, вы что, совсем дураки, непонятно, что ли? Элис беременная!

Элис... Это дети её так прозвали за глаза, Эльвира Семёновна же долго выговаривать. А так – Элис и Элис. Ей нравилось. «Атас, Элис идёт!»

Сразу приходила на ум песенка, любимая с детства, про Элис, живущую по соседству. «Смоки» пели...

Эх, мальчишки, мальчишки. Ничего ещё не понимают. А может, и видят, но... Да, конечно, видят. Хотят просто посмотреть, как это она, Элис, выпутается из создавшегося положения. Ха-ха. Каламбур какой-то. Она и так в положении.

А живот действительно невелик.

Помнится, уже семь месяцев было. Ехала в метро, от подружки. Красивая такая, с промелированными ещё до беременности прядками, с золотым колечком на пальчике. Рука в кармане. И пристал тот брюнет. Нахальный такой. (Но обязательный!) Крепко так пристал.

«Вы очень симпатичная» (муж последний раз полгода назад, наверное, говорил об этом...).

«А у вас глаза всегда такие зелёные? А можно вас проводить? А вы до какой едете?»

Она ему: «Муж меня встречать будет». (А сама думает, мол, неужели он не замечает живота?)

Не-а, ни фига он не замечает. Только пялится на пополневшую грудь под тонким плащиком.

Он: «А мне всё равно! Мы его подвинем!»

Она: «А он вам, как бы это помягче сказать, морду лица набьёт!» (Это так Сашка – одноклассник всегда говорил. Школа закончена пять лет назад. А Эля иногда всё ещё просыпается в холодном поту, снится, что немецкий не перевела или к контрольной по алгебре не подготовилась. И так страшно делается! А когда просыпается – ох, она уже отучилась. Здорово! Никуда не надо, большая. Рожать скоро. Ха-ха.)

Он: «Что, такой ревнивый?»

Эля подумала: «Если бы... И совсем не ревнивый, даже обидно. Отпускает беременную жену одну по гостям и даже не встречает...»)

Короче, еле отлип.

Шла домой. Размышляла. А даже приятно: беременная, а мужчине понравилась. В метро! (Сто лет к ней в метро никто не приставал знакомиться.) Увидел в ней привлекательную женщину. Можно сказать – девушку.

Дома сама на себя смотрит в зеркало – вроде она, а вроде и другое лицо... Брови чёрные, взлёт, те же. Нос курносый. Тот же. Красится, как и всегда, еле заметно. Но что-то такое, едва уловимое, появилось в лице. Некое выражение отрешённости, лёгкой придурковатости, как говорит Ирка, недавно родившая подружка.

Муж-то смотрит уже как на хрустальную вазу – доберечь бы до родов! Женщины в ней уже не видит. (Или это так кажется?) Дней десять назад посмотрели фильм новый

в «Москве», «Воры в законе» называется. Вечером случился секс. Какой-то странный такой. Вроде ум хочет, а тело – нет. Уж её-то тело с животом точно не хочет. (Но ум хочет!) И в особенности та часть, что внутри, – точно нет! Протривится она этому! Но... Герка мужественно довел всё до конца. «Тихо, тихо, тихо. Не двигайся, я сам, сам, сам!» Умница ты моя, самостоятельный ты мой!

И сразу уснул. А она потом ещё минут сорок лежала и хотела. Фазы-то уже не совпадают.

А потом, когда расхотела, стала представлять, какое там у неё всё внутри станет после родов... Хорошо им, мужикам. А тут почти год ходи беременная. Как слониха. Ни тебе бикини летом, ни юбок. Потанцевать так охота, подрываться, повозиться в постели, как раньше. На животе повалиться, в конце концов! А тут ходишь гусыней. Скорей бы.

Немного осталось. Уже почти девять месяцев бережёт. Муж-то. Ботиночки надевает, пол метёт, пальто подаёт. Когда дома. Ну а когда его нет – всё сама. И стирка в ванне, без стиральной машины, и покраска стенок туалета, и уборка, и готовка, и ещё пошив всякой разной ерунды на продажу. Денег-то вечно не хватает.

Но всё равно грустновато немного: не прижмёт, не зажмёт, как бывало. Не подойдёт, как год назад, в любое время, не заглянет таинственно в глаза: «Давай?!»

Подружка утешает: «Не переживай! Вот увидишь – родишь, опять всё будет! И зажмёт, и разожмёт. Но не сразу.

Не до этого поначалу будет. Ни тебе, ни ему».

Эля в одиночестве попила чаю. Пока закипала вода в чайнике, пролиставла альбом со свадебными фото. Кажется, это было вчера... Собралась в магазин.

В магазине решила взять тортик ореховый, за два двадцать. И бутылочку винца, Герке. Он обязательно выпьет. Есть повод. Ей – ни-ни! Ни капли в рот не взяла за весь срок. И даже на мамин день рождения. И даже на свой.

Снегу навалило... И потеплело. Получилась невообразимая каша на тротуарах. Грязнотища.

Эля была в шубке. Шуба эта досталась ей по наследству от какой-то родственницы, мама отдала. Не молодёжная, страшноватая. Зато тепло. И на животе хорошо застёгивается. Размер пятьдесят второй, наверное. А у неё сорок шестой.

Эля осторожно, боясь поскользнуться, шла домой с лёгкой ношей – торт и два апельсина, кусочек сыра. В винах так и не научилась разбираться. Учителей ещё пока не было. Пусть Гера сам купит.

Открыла дверь своим ключом, сразу поняла, что ОН дома – в крошечном коридорчике хрущёвки на вешалочке уже притулилась мужская куртка.

– Герик, привет! Ты уже?

– Привет, Белочка! Утром не стал будить. С праздником!

Обнял бережно, прямо в шубейке. Поцеловал в губы... Помог раздеться.

– Представляешь, мы уже год женаты! Так время пронеслось! Включи телек, сейчас "Изаура» начнётся!

Эля поправила волосы, посмотрела на своё румяное отражение в крохотном зеркале: хороша! Хоть и беременная.

Гера вернулся со своей первой работы. Он трудился по утрам дворником в соседнем детском саду. Уходил, когда Эля ещё спала. Работал часа три-четыре – и домой.

А часов в пять уезжал на свою основную работу – в цирк.

Он музыкант. Басист. Эля хвасталась девчонкам в школе: «Представляете, у меня муж в оркестре цирка работает!»

Если честно, с дворницкой работой – это временно. Ему нельзя, руки надо беречь.

Сейчас каникулы, по три представления в день. Уйдёт скоро, раньше обычного.

Эля погладила ярко-красную рубаху-косоворотку Геры, оркестровую. Они там, в оркестре, все сидят в таких – разноцветных, шёлковых. Там темновато, всё равно не видно, глаженная или нет. Но Эля регулярно приводит её в божеский вид. Артист всё же!

Они вместе попили чаю с тортом. Герка сказал, что при- тащит вечером бутылочку, обязательно выпьет за такое со- бытие.

– Ну, до вечера, не скучай, Бельчонок! – поцеловал он в коридоре жену.

И Эля снова осталась одна.

Одиночество – это её всегдашнее, привычное состояние.

В котором даже комфортно.

В детстве часто была дома одна. То ждала маму с ночной, то бабушку, дедушку откуда-то. В старших классах гуляла одна по осеннему Ленфильмовскому парку, пинала ногой рыжие листья, любовалась небом, заросшими прудами, старинными деревьями. Стихи слагались сами собой...

В институте тоже часто одна. В садике справа от Казанского. С Лермонтовым, Достоевским, Куприным. Или кто там был по программе. Усядется на лавку на мартовском солнце (предварительно купит любимое крем-брюле в стаканчике за 15 копеек на углу Невского), книга на коленках. Перерыв! Красота! Лицо вверх, хоть на чуть-чуть подставить нежным первым тёплым лучикам. На таком солнце почитай попробуй. Кругом все по двое, спуют, целуются, весна. А она одна. Но нескучно. Ей всегда было интересно самой с собой. С окружающим миром. Всегда есть о чём поразмышлять и за чем понаблюдать.

После института рванула, никому не сказав, не спросив, в горы. Одна! С рюкзаком, с одноместной палаткой. Думала: «Не сделаю этого — свихнусь». Так осточертел пропечённый летний Питер, все эти тетрадки, экзамены, зачёты —, ерунда вся эта, рутинка. Горячие камни, потно, жарко. Мысли стопорятся. Воздух не движется. Жизнь замерла. Что-то надо предпринять. Голова кругом. Понятно, почему Ван Гог сходил с ума там, в жарком Арле, красил стенки мастерской и дом чумовым красками. Да и Родя Раскольников бродил

по знойному жёлтому Петербургу Достоевского, душу маял...

Шла одна по горной реке, тарасилась на красоты ущелья, на утреннее солнце, улыбалась от мысли, что где-то тут полтора века назад ехал на перекладных Печорин, ну и сам Лермонтов тоже, конечно. В рюкзаке – любимый «Герой нашего времени». И ОН видел то же самое, что и я! Обалдеть! Ночевала одна, в своей милой крошечной палаточке. Проснулась – другая!

Не двадцатилетняя девочка, которая только что закончила литфак... Другая, новая, крепкая. Я! А как же! Институт за плечами, всё впереди. Одна в горах! В не Бог весть каких горах, но всё-таки доехала, нашла эту реку, дошла до этих водопадов.

Мечтала – сделала! А могла бы НЕ сделать. А могла бы чахнуть сейчас, жариться на пляже в парке, изнывать от безделья, тупо ожидая начала работы в школе.

Смогла!

А страшно было? Страшно. И когда в восемь утра на канале Грибоедова билет покупала. Всё казалось, сейчас кто-то схватит за руку. Остановит. Ниизззя! И когда палатку шила, ещё не зная, КОГДА она понадобится. Но внутри так уже всё кипело, что от одного сознания, что ОБЯЗАТЕЛЬНО понадобится, хотелось плакать и смеяться от счастья одновременно. И когда писала записку самой близкой девочке, Катьке, что уезжает, одна. И когда ушла с рюкзаком из дома, оста-

вив тетрадный листок только любимой бабуле, мол, всё в порядке у меня, не переживайте, уехала, позвоню. Куда, что... Жестоко, наверное. Простите...

А потом на Московском вокзале увидела Катьку! Не звала, не ожидала. А она взяла и пришла! И стояли, и обнимались. И поезд тронулся, и впрыгнула в вагон. Подруга, спохватившись, сунула лист бумаги, сложенный надвое.

Потом стояла в коридоре купейного вагона, провожала взглядом убегающие дома, улицы, перекрёстки, какие-то развалюхи, депо, тьмутаракань какую-то, какая везде во всех городах (наверное, русских) на подступах к центральным вокзалам имеется.

Открыла открытку Катину. И... слёзы! Слёзы градом. Нет, правду писал Пушкин про братство лицейское, про дружбу, про единомышленников, про «Друзья мои, прекрасен наш союз...». Катька, милая Катька! Как же ты поняла меня! Как же мне оказались нужны и важны эти твои слова... Эти твои горы, нарисованные акварельной краской, так нежно, тонко. Горы и солнце, встающее из-за них.

И Эля уже всем своим существом знала, что она это совсем скоро увидит. Только друг истинный, с которым четыре года проучился вместе, с которым был в походах, с одними думами, с одними мечтами, тайнами, песнями под гитару, может так поступить, так понять...

Ну как, как, какой оценкой в зачетке оценить это!? Каким государственным экзаменом выявить, что ТЫ – УЧИ-

ТЕЛЬ! И твоя душа – тонкая, откликающаяся, подвижная. И ты сможешь поделиться ей с другими, ещё совсем маленькими человечками, которых тебе доверяют... И что ты не просто за четыре года начитался выше крыши мировой литературы (до офигения! До рези в глазах! По книге в день! «Будденброков» за один день – для зачёта!), от античной до современной, и всё это знаешь, помнишь. И когда и где надо – вставишь и изложишь. И только поэтому ты – учитель! Да фигня, конечно, это. Такие девочки учились в педине, такие мальчишки. Мозг дремал, точно! Душа вообще ещё не проклюнулась! Их и на пушечный выстрел нельзя было к детям подпустить... Ан нет, пятёрки, шестёрки, зачёты, красные дипломы. Непонятно. Трудно видеть всё это, понимать и ничего не делать. А в двадцать лет-то – всё остро, всё больно, всё как в последний день бытия.

Да ладно... Позади всё. Сумела, вытерпела, разобралась, не сдалась, не сломалась, не изменила себе. Выжила. Другая! Сама себя уважает!

Было страшно. Ах, мама, ах, бабушка. Жаль, не поняли. Ничего о ней, своей девочке, не поняли. Или не смогли. Или не захотели...

«Мам, сегодня четырнадцатое апреля! Представляешь, такой весенний день. А когда-то в этот день Маяковский застрелился. Mam, представляешь, птицы пели, небо синее в лужах отражалось, девушки ходили, наверное, красивые, вербы барашками покрылись. Страшно весной умереть».

А в ответ резко, как по щеке:

– Да ладно, отстань со своим Маяковским! Сам виноват, нечего стреляться, ишь, герой, застрелился...

Не поняли.

А душа мечется, рвётся в дорогу, вверх, хоть куда-то, лишь бы не в ступе... Одна в горах. Речка внизу барахтается-сверкает, ворчит, цветы неопишуемые, фиолетовые, стрекоты синие, как самолетики, пролетают, небо яркости не питейской. Внутри всё до краев наполнено этим, так, что счастье выпирает из глаз! Слезами. Смехом. Дышать – не надышаться. Воздухом этим горным, свободой этой, самой себе устроенной, вырванной у каменного города. У никчёмных, нелепых правил... И так уверена в себе, что ничего не страшно! Всё смогу, никто не пристанет, не обидит!

Уже в К., с гор спустилась когда, тормознула такси. «В гостиницу!» Таксист потом – (гуляли вместе вечером – признался: «Да, хотел было, но... раздумал. Такая ты вся была обалдевшая, сияющая прямо вся изнутри, загорелая, чистая, хоть и потная, что... не посмел. Флюиды шли от тебя, прямо чувствовалось... Аж стыдно перед самим собой стало, от подлых своих дум, тогда на шоссе, когда тормознула меня...»

* * *

Пока шла" Изаура», Эля погладила стопочку пелёночек.

Потом вдруг позвонила Ирка, звала прогуляться с ней и с Лизкой в коляске. Она родила в начале лета. И уже так уверенно управляется с Лизкой, прямо как будто это у неё третий. А поначалу тряслась, не знала, с какого бока надо браться за эти 47 сантиметров, за эти три килограмма. Эля смотрела, завидовала. Неужели и у неё скоро будет такое чудо? Счастливая Ирка, отмучилась. Ну, в смысле, разрешилась уже славной девочкой, без всяких там кесаревых, без обвитий, без неправильных предлежаний... А у неё это всё ещё впереди...

Гуляли по снежным улицам. Но – тепло. Ирка с коляской. Она – с животом. Подружки. Лет с пяти дружат. В первый класс вместе. Потом первые мальчики. Поцелуи в щёчку. После четвёртого, в августе: ого, какие у тебя выросли! А у меня ещё чего-то нет ни фига... Потом поцелуи в губы. В основном у Ирки. А Эля всё выслушивала, все Иркины сокровенности, какие и маме не рассказываются... Потом Эля в институт, Ирка в техникум. Эля всё училась, Ирка – замуж в 19 лет. Эля закончила, начала работать в школе. И даже не помышляла замуж-то. Если бы не попала год назад в больницу. А там – Герка. Влюбилась. (Как же, начиталась литературы, тургеневская девушка. Влюбилась – женились.) Ну и... Зато здорово! Ребёнка в любви родить, ждать его, хотеть. А не просто потому, что залетела...

Болтали о том, о сём. В основном о Лизке. Что она умеет, сколько у неё раз стул, и всё в таком роде.

Обошли весь квартал. Эля даже немного устала. Ирка проводила её с коляской до самого подъезда. Спросила: «Сама-то как чувствуешь, КОГДА?»

Эля ответила: «По моим подсчетам – через две недели! Вот завтра опять в консультацию тащиться. Надоело уж. Ну, пока!»

– Пока! Держись! – Ирка ловко развернула коляску и покатила к своему дому.

Дома Эля решила полежать на диванчике. Почитать немного. Может, уснёт...

Эту книжку ей подарила любимая тётя из Одессы. Редкая такая книжка. Красивая, глянцевая. У нас таких не печатают. Болгарская. Там всё описано – что происходит у мамы внутри. И всё о ребёнке. Вот он три сантиметра, вот у него ещё жабры, вот он десять сантиметров, вот у него уже есть пальчики, вот уже ушки слышат, вот глазки. Вот он уже палец сосёт.

Эля с самого начала беременности прочитала эту книгу. И потом в каждый период очень хорошо представляла (благодаря своему богатому воображению), какая там внутри у неё уже детка. Она отмеряла шестнадцать сантиметров на линейке и неслась к Герке, который мучил свою гитару гаммами, взхлёб делилась: «Представляешь, она сейчас вот такусенькая! А всё равно уже как человек!»

Герка улыбался, удивлялся и продолжал бумкать дальше. А Эля всё время разговаривала с животом. Общалась.

Иногда целые монологи произносились в пустой комнате, обращённые к будущему чаду.

Сейчас Эля раскрыла книгу на главе «Роды». Полистала, почитала, подышала, как собака, с раскрытым ртом, тренируясь, как это она будет проделывать совсем скоро, при родах. Попыталась представить эти схватки. Что это за схватки? С кем схватки?

Какие они? Где она их будет чувствовать? Что ли, это как живот болит? Или, как при месячных, тянет поясницу, выкручивает, ноет? От этих вопросов по телу опять начал растекаться липучий страх. И Эля быстренько открыла другую главу: «Что предпринять, если у Вас вдруг отошли воды?»

Эля проштудировала знакомую главу ещё разок. Чётко уяснила себе – ага, как только эти воды отошли, сразу надо ехать в роддом. Безотлагательно! (И как это они будут отходить? Ни фига тут про это нет! Догадайся сам! Просто ОТОЙДУТ! На самом деле,

что ли, вода какая-то польётся? И сколько? И какая? Или это образное выражение? Вроде ВЕШНИЕ ВОДЫ. Ха-ха.) Безотлагательно!

«Да, ладно, – уже почти засыпая, думала Эля, – всё у меня вовремя начнётся, и воды, и роды. Я смогу, я сильная, мне будет не больно. Всем больно, а мне нет. Они все не так настроились, поэтому им больно. А я правильно настроилась. И у меня всё прекрасно будет. Мы же с Геркой любим друг друга...»

* * *

Неожиданно Эля проснулась от странного ощущения. Что-то внутри неё булькнуло и просочилось. «Что это? Началось?»

В первые секунды она не поняла – ну вроде трусики промокли, ну не утерпела во сне. Бывает, наверное. Но не с ней. ТАКОЕ впервые. Взгляд зацепил валявшуюся на полу книгу.

«Воды?.. Неужели воды!!» Осторожно поднявшись, Эля пошла в туалет. Сердце начало как-то волнительно постукивать. Так, спокойно! Ну, не выпадет же сейчас ОНО в унитаз!

Нет, писать совсем не хочется...

Эля подошла к телефону, набрала Иркин номер.

– Привет, у меня, кажется, воды отошли! Перегуляла я, видно, с тобой! Ой, я боюсь! И Герки нет! Что делать!? – причитала Эля.

– Ну, мать! Ты, во-первых, не таракти. Успокойся. Рожать будешь. Вызывай скорую, объясни – что, как. Я к тебе сейчас прибегу. Ты пока собирайся. Только не мельтеши! —

Ирка говорила так спокойно, уверенно, словно у неё у самой сто раз отходили воды до родов, и она ничуть не сомневается, что и как надо делать в такой ситуации.

– Ага. Понятно, Ир. Ир! А может, это ещё не ОНО!? – спросила Эля с бесконечной надеждой в голосе. С надеждой, что, может, это ложная тревога, и ещё сейчас всё образует-

ся, и никуда не надо будет ехать, а можно будет ещё нагладить пелёночек, поужинать, а потом тихо, мирно ждать Герку с работы...

– Да ты чё, мать! Всё, доигралась! Рожаем! Ну всё-всё, давай. Ты не больно там суепись. Не роди на пол, – и Ирка заржала своим слоновьим смехом.

Эля схватилась за живот, прислушалась... Ничего особенного. «Вот, Ирка! Вечно со своими шуточками... Ладно, зато хоть улыбнулась, вроде всё и не так страшно», – подумала она.

Вызвала скорую, как-то очень робко и неуверенно произнесла:

– Я беременная, и у меня, кажется, вышли воды!

– Так вышли или кажется!? – грубовато спросили в трубке.

– Ну, вылилось что-то из меня... И я одна дома!

На том конце провода спросили что-то ещё про сроки, про номер консультации.

– Диктуйте адрес, выезжаем! Собирайте документы и вещи.

Сто раз представляла Эля свой отъезд в роддом. Но чтоб так...

Как была, в темно-синих рейтузах и полосатом длинном кардигане, она стала собираться.

Побросала в пакет карту беременной в прозрачной обложке от ученической тетради, документы, расчёску, ручку, тап-

ки. Что-то ещё. Потом пошла на кухню, достала из холодильника большое красное яблоко, помыла и тоже положила в пакет. С яблоком стало как-то спокойней...

Позвонила маме: «Мам, я еду в роддом!.. Да, уже. Воды вроде отошли... Да не переживай ты! Да, одна. Он на работе. Нет, Ирка со мной поедет! Она тебе позвонит потом, что, как... Да ладно, не переживай! Хорошо!.. Ага!.. Ну, пока!»

Господи, когда она маму-то видела в последний раз? В октябре, кажется, навещала. К чему это она...

Примчалась запыхавшаяся Ирка. Через некоторое время приехала скорая.

В шубе, в красных сапожках, с пакетом в руках, под конвоем Ирки и доктора скорой Эля вышла из подъезда.

Пока спускалась с третьего этажа и шла несколько шагов от дверей до машины, в голове успело пронестись:

«Вот, ухожу из дома. В больницу, в роддом. Страшно». Оглядела чёрно-белый дворик в растаявшей снежной каше, деревянный детский домик, качалку, лесенку, скамейку, на которой всю жизнь сидела бабушка Таня, её бабушка. И она сама сидела иногда, трехлетняя, десятилетняя, двадцатилетняя. Да, всё та же скамейка. «Ой, а вдруг я умру!!!»

Эта мысль пронзила Элю на доли секунды. Но внутри успело всё сжаться и похолодеть.

Ну ведь умирают же в родах некоторые женщины! Сколько она про это читала и у классиков, и в журналах, в газетах... Всякие случаи бывают... И тогда получается, что она

видит всё это в последний раз! Этот дворик, где она родилась! И этот дом. И с Геркой так и не увиделась... И с мамой Бог знает когда виделись... А всё собиралась приехать. И сделать ни фиги путного не успела. По жизни... А кто мой 6-й «Б» возьмёт тогда?.. И ремонт в ванной так и не доделали. И коляску так и не купили! И ленточку на одеяльце... Ладно, пусть Герка сам покупает. Вот рожу, узнаю, сын или дочь, тогда уж. А то купим розовую, а вдруг всё-таки мальчик... А может, всё-таки будет больно? Ну ладно, придётся терпеть, все же перетерпели как-то. Не я же первая рожая. Миллионы родили как-то – и ничего. Вот только сколько терпеть? Врач говорил, что первые роды всегда долго – часов десять, а то и дольше. Но не все же десять часов больно! Ведь есть же какие-то перерывы между схватками? Эля хотела припомнить, что по этому поводу говорилось в болгарской книге...

Но все её думы прервались неожиданным:

– Вставайте, приехали!

Оказывается, они уже в роддоме! И не помнит, как села в машину, как доехали...

И такой вдруг маленькой и беззащитной она себе показалась в этом неприветливом, неярко освещённом, серо-белом роддомовском приёмном покое. Приёмный покой! Слово-то какое дурацкое. И не поймешь, что тут имеется в виду. Ха-ха. И на роддом вовсе не похоже. На морг похоже. Эля видела, на практике по анатомии ходили, в институте на первом

курсе ещё. Семнадцать лет ей было. Да уж...

– Это мы на Газа? – любопытствовала Ирка.

– Да!

Эля всегда, когда ей доводилось проезжать по этому проспекту Газа, думала: «И кто этот Газ? Или Газа? Тоже его мама ведь родила когда-то. А теперь он вот стоит в виде памятника у Дома культуры, одна голова на постаменте!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.